

Идентичность как ключ к пониманию мировой ПОЛИТИКИ

Интервью с Ириной Прохоренко, доктором политических наук, заведующей сектором международных организаций и глобального политического регулирования Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук

Ирина Львовна Прохоренко – специалист-международник, эксперт в области изучения международных организаций, региональной интеграции, этнополитических конфликтов. Автор монографий «Европейская интеграция и проблема сепаратизма в государствах-членах Европейского союза» (2018), «Пространственный подход в исследовании международных отношений» (2015), «Национальный интерес во внешней политике государства: опыт современной Испании» (1995), глав в книгах, статей и докладов по проблемам идентичности. Представитель научной школы идентитарных исследований ИМЭМО РАН, участник Экспертной сети по исследованию идентичности.

Беседу вел С.М. Маркедонов, главный редактор журнала «Международная аналитика»

Сергей Маркедонов: В 2018 г. известный американский политический мыслитель Фрэнсис Фукуяма написал книгу, посвященную проблемам идентичности и политике ресентимента¹. С его точки зрения, идентичность стала своеобразным демидургом действительности. Однако парадокс заключается в том, что никто иной, как Фукуяма в начале 1990-х гг. выступил глашатаем «конца истории» в виде всемирной победы неоллиберального экономического и политического консенсуса². В одной из рецензий на книгу 2018 г. критик американского философа поставил резонный вопрос: «Что делает в конце истории такой человек, как Виктор Орбан?» Хотелось добавить: а как себя чувствуют в «финале» исторического развития Дональд Трамп и Реджеп Тайип Эрдоган, Владимир Путин и Нарендра Моди, Си Цзиньпин и Ким Чен Ын? Почему, на Ваш взгляд, надежды на скорый конец истории сменились «требованием справедливости» и «политикой ресентимента»? А скорое торжество либерального консенсуса – периодом «бунтующей идентичности»?

1 Fukuyama, Francis. *Identity: The Demand for Dignity and the Politics of Resentment*. New York: Farrar, Straus and Giroux, 2018.

2 Fukuyama, Francis. *The End of History and the Last Man*. New York: Free Press, 1992.

Ирина Прохоренко: Фрэнсис Фукуяма, отвечая критикам, объяснял, что использовал слово «история» в духе Георга Гегеля и Карла Маркса, как продолжительную во времени эволюцию общественных институтов, а слово «конец» подразумевало конечную цель, а не завершение. Действительно, многим на рубеже 1980 – 1990-х гг. после распада СССР и самоликвидации социалистического блока преодоление «сегментированности» цивилизации в пользу капиталистических рыночных отношений и либеральных ценностей казалось «концом истории». В этой уникальной реальности глобальное лидерство США представлялось естественным, неоспоримым и даже кому-то необходимым с точки зрения гарантий складывающегося миропорядка.

Однако весьма скоро однородность глобального мира и безальтернативность американского лидерства были поставлены под сомнение. С одной стороны, дальнейшее возвышение Китая, превращение его в «мастерскую мира», амбиции регионального и глобального игрока, усиление незападных держав, порой более

... ужесточение международной конкуренции, неудачи догоняющего развития и неолиберальной модернизации, новые разделения и неравенство, опасения потерять свою самобытность обернулись... попытками защититься от негативных последствий глобализации, которую в развитых странах нередко воспринимали как универсализацию, а в обществах Глобального Юга – зачастую как вестернизацию.

эффективные ответы на большие вызовы на региональном уровне подтверждали все более отчетливо явление так называемой регионализации глобализации и фрагментации глобального мира. С другой – ужесточение международной конкуренции, неудачи догоняющего развития и неолиберальной модернизации, новые разделения и неравенство, опасения потерять свою самобытность обернулись идеями инклюзивной глобализации и справедливости сложившегося мироустройства, в частности мировой финансовой архитектуры, попытками защититься от негативных последствий глобализации, которую в развитых странах нередко воспринимали как универсализацию, а в обществах Глобального Юга – зачастую как вестернизацию. Финансово-экономический кризис 2007–2008 гг. и его негативные последствия, миграционные и энергетические кризисы в разных частях света начиная с середины 2010-х гг. укрепили императивы и идеологию экономического национализма и протекционизма, усилили прежние или вызвали новые размежевания на страновом, региональном и общемировом уровнях.

Несомненной заслугой Фукуямы следует считать его способность раз за разом, с каждой новой книгой-бестселлером выявлять ключевой тренд в мировом развитии, не просто фокусировать внимание на важнейшем научном и общественно-политическом дискурсе, а превращать его в преобладающий и модный, облекая свои идеи и выводы исследователя в броские и запоминающиеся слоганы и метафоры. Однако Фукуяма был далеко не первым, кто в политической науке обратился к проблеме идентичности. В ИМЭМО РАН итогом многолетних междисциплинарных исследований сложных и динамичных общественных

процессов стали фундаментальные работы, посвященные концептам идентичности и политики идентичности в нашем стремительно меняющемся мире: двухтомник 2011¹ и 2012 гг.² и энциклопедическое издание 2017 г. «Идентичность: Личность, общество, политика»³. Научному коллективу под руководством доктора политических наук И.С. Семененко удалось оценить когнитивный потенциал категории идентичности в социогуманитарном знании, концептуализировать идентичность как многомерное и многоаспектное понятие и практику социальной коммуникации, выявить подвижный и множественный характер идентичности, рассмотреть идентичности «с прилагательными» и в различных измерениях и ракурсах – социокультурном, политическом и международно-политическом, национальном и этнополитическом, территориальном и пространственном, социально-стратификационном и социально-ролевом, – выявить дискурсы, политические практики и технологии конструирования идентичности, поставить вопрос об идентичности как факторе и ресурсе общественного развития. Оставим за рамками интервью сложный вопрос об интеграции национальных научных школ в общемировое пространство политической науки и, в частности, науки о международных отношениях.

Кстати, новым промежуточным результатом научной школы идентитарных исследований в ИМЭМО РАН стал выход в свет в конце 2023 г. коллективной монографии под редакцией И.С. Семененко «Идентичность: личность, общество, политика. Новые контуры исследовательского поля»⁴. Были изучены дискурсы, которые отражают глубинные изменения в расстановке сил и в структуре мироустройства, субъекты и акторы общественного развития, в том числе экстратерриториальные по природе, которым тесны рамки национально-территориальных государств, механизмы и формы их взаимодействий, формирующие контуры не только новых политических пространств, но и ранее не известных противостояний и конфликтов.

С.М.: В одном из своих исследований Вы справедливо замечаете, что «до недавнего времени понятие внешнеполитической идентичности употреблялось в социальных науках сравнительно редко и почти всегда без попыток его концептуализации». Как бы Вы сегодня определили эту дефиницию? И как попытались бы разграничить сферу ее применения? Где и как внешнеполитическая идентичность связана с региональной, национальной, религиозной? В какой степени они влияют друг на друга, формируют одна другую?

И.П.: На мой взгляд, внешнеполитическая идентичность – это, во-первых, ключ к анализу, объяснению особенностей и осмыслению феноменов стратегической культуры, внешнеполитического сознания, внешнеполитической идеологии, практик стратегического планирования, а во-вторых, значимый маркер динамики этих явлений и практик.

1 Политическая идентичность и политика идентичности. В 2-х тт. Т. 1: Идентичность как категория политической науки: словарь терминов и понятий / отв. ред. И.С. Семененко. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. 208 с.

2 Политическая идентичность и политика идентичности. В 2-х тт. Т. 2: Идентичность и социально-политические изменения в XXI веке / отв. ред. И.С. Семененко. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. 471 с.

3 Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание / отв. ред. И.С. Семененко. М.: Весь мир, 2017. 992 с.

4 Идентичность: личность, общество, политика. Новые контуры исследовательского поля / отв. ред. И.С. Семененко. М.: Весь мир, 2023. 512 с.

В самом общем виде внешнеполитическую идентичность национального государства формируют идеи и представления, порой мифологизированные, с использованием метафор и дихотомических понятий о сложившемся и / или желаемом миропорядке, о месте, роли и статусе государства в мире, о его реальных и потенциальных союзниках, соперниках и врагах, о вызовах, угрозах, опасностях и рисках внешней безопасности. Очевидно, что носителем такой идентичности выступают прежде всего политические элиты, те, кто принимает внешнеполитические решения. Вместе с тем исключительную важность для стабильного развития государства и социума имеет консенсус в обществе по вопросам внешней политики как составляющая национальной (национально-гражданской) идентичности.

Порой такого согласия сложно достичь в разделенном обществе. Играть роль не только культурная, этническая и конфессиональная неоднородность, но и территориальное неравенство, структурные дисбалансы, политическая поляризация. Имеют значение и фактор государственно-территориального устройства страны, сложности постконфликтного регулирования или демократического

... исключительную важность для стабильного развития государства и социума имеет консенсус в обществе по вопросам внешней политики как составляющая национальной (национально-гражданской) идентичности.

транзита (так было, скажем, в Испании после краха франкистского режима). И хотя такая коллективная идентичность достаточно стабильна во времени благодаря политике памяти и символической политике, история знает случаи кризиса, трансформации и даже слома внешнеполитической идентичности. Например, так произошло в Италии накануне Первой мировой войны и в межвоенный период, когда от участия в Тройственном союзе страна перешла к нейтралитету и поддержке Антанты, а затем присоединилась к Антико-

минтерновскому пакту и превратилась в державу «оси»; в России в результате Октябрьской революции и гражданской войны; в Армении по итогам Второй карабахской войны, самоликвидации непризнанной Нагорно-Карабахской Республики и массового исхода армянского населения.

Но национально-территориальное государство – не единственный носитель внешнеполитической идентичности и субъект формирования такой идентичности в современной мировой политике. Мы можем наблюдать становление и концептуальное оформление в стратегических документах макрорегиональной внешнеполитической и оборонной идентичности в региональных интеграционных проектах. В первую очередь, это наиболее заметно в Европейском союзе, где идут процессы военной интеграции и институционально сложилась Общая иностранная политика и политика безопасности, пусть и на основе консенсуса 27 государств-членов. Как тут не вспомнить решение Великобритании с ее материальными и нематериальными ресурсами внешней политики, политики «мягкой силы», опытом мирополитической деятельности о выходе из Евросоюза в поисках в том числе максимальной, насколько это вообще возможно в сегодняшнем взаимосвязанном и взаимозависимом мире, автономии во внешнеполитическом поведении.

В военно-политических организациях и блоках задача формирования общей оборонной идентичности является ключевой, без ее решения трудно добиться солидарности стран-участниц для успешной реализации коллективных целей и задач. Североатлантический альянс – показательный в этом смысле пример «выживания» и адаптации к трансформациям миропорядка после окончания холодной войны и блокового противостояния. У НАТО получилось весьма успешно использовать расширительное толкование безопасности и новые институциональные форматы взаимодействия с третьими странами далеко за пределами зоны коллективной ответственности, дополняя их практиками и технологиями коммуникации и обучения военных специалистов, служащих, парламентариев и экспертов из стран-партнеров.

В свою очередь, у государства есть и другие конкуренты в политике внешнеполитической идентичности – власти субнационального уровня в крупных по размеру странах, федерациях, региональных и децентрализованных государствах, где имеют место вертикальные конфликты – между центром и регионами, которые обладают административными и законодательными полномочиями и потенциалом парадипломатии. Так, власти Каталонии (автономного сообщества в Испании), заявляя о своих партикуляристских и сепаратистских амбициях, создали региональные институты по разработке и реализации собственной внешнеполитической деятельности, проводят автономную от центрального правительства политику «мягкой силы», международной помощи на цели развития. *De facto* они стремятся сконструировать в территориальном сообществе и за его пределами образ Каталонии как самостоятельного и по сути дела альтернативного Испании субъекта в международных делах.

С.М.: В последнее время набирает популярность дискуссия о «цивилизации» как одном из ключевых идентитарных факторов современности. Обновленная Концепция российской внешней политики, принятая в 2023 г., даже определяет РФ как «страну-цивилизацию»¹. Насколько данный фактор важен для (само)идентификации государств и отдельных групп? И нет ли определенного соблазна в упрощении всех имеющихся проблем, если мы сводим все к конфликту или взаимодействию «цивилизаций», ведь зачастую это не продукт органического развития, а конструктор.

И.П.: Говоря о научном дискурсе цивилизации, традиционно вспоминают Сэмюэла Хантингтона с его концепцией «столкновения цивилизаций» как сопротивления либеральному проекту², о торжестве которого в свое время рассуждал Фрэнсис Фукуяма как о «конце истории», других западных авторов, русского историка XIX в. Н.Я. Данилевского³ и порой оставляют за скобками новаторские исследования цивилизационной идентичности и государств-цивилизаций современных российских исследователей. Аналитические подходы В.И. Пантина⁴,

1 Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 31 марта 2023 г.) // МИД РФ. 31 марта 2023. [Электронный ресурс]. URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/1860586/ (дата обращения: 30.03.2024).

2 Huntington, Samuel. *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. New York: Simon & Schuster, Inc., 1996.

3 Данилевский, Н.Я. Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германско-Романскому. СПб.: Глаголь, 1995. 552 с.

4 Пантин, В.И. Национально-цивилизационная идентичность // Идентичность: личность, общество, политика. Новые контуры исследовательского поля. М.: Весь мир, 2023. С. 461–464.

В.И. Лапкина¹, М.М. Мчедловой², В.В. Наумкина³ преодолели западоцентричность и нормативное понимание цивилизации и очевидно бросили вызов современной политической (и цивилизационной) теории. Авторы изучают цивилизации в категориях идентичности как сложную концептуальную модель социокультурной интеграции в современном мире, которая в сфере политики проявляет себя принципиально по-иному, нежели национально-территориальные государства и этнические сообщества.

Мне импонирует идея В.В. Лапкина об объяснении кризиса нынешнего миропорядка логикой эволюции «от мира цивилизаций древности и столкновения их военно-политических машин, через этап псевдоунификации в рамках мировой и всеобъемлющей системы национально-территориальных государств – к миру политий-цивилизаций, с большей или меньшей полнотой ис-

пользующих инструментарий национальной государственности»⁴. Кстати, дополнительно советую почитать его раздел в новой монографии ИМЭМО 2023 г. о явлении экстратерриториальных сообществ в многомерной структуре меняющегося мирового порядка и в контексте цифровой революции, позволившей сетевые и цифровые коммуникации, а также распространение глобалистских норм и поведенческих ценностей и стереотипов⁵. В свою очередь, обладающий уникальным опытом изучения региона Ближнего Востока и незападного мира в целом авторитетный российский востоковед В.В. Наумкин раз-

С другой стороны, стратегический тренд полицентризма, укрепление прежних и появление новых центров силы и притяжения, ставят вопрос о сочетании логики многополярности и универсализма, возможности принятия универсальных ценностей.

личает государства-нации и государства-цивилизации и выделяет четыре типа взаимоотношений между этими двумя моделями государств в сегодняшнем трансформирующемся мироустройстве: непримиримое противоречие, неантагонистическое сосуществование, «слияние воедино в процессе своего рода конвергенции или синтеза» и так называемый переходный тип «неопределившихся государств» гибридного типа⁶.

Такого рода идеи и выводы, с одной стороны, заставляют задуматься, переосмыслить феномен цивилизаций, выявляя контуры новой картины мира с точки зрения динамики универсализма и партикуляризма. С другой стороны, стратегический тренд полицентризма, укрепление прежних и появление новых центров силы и притяжения ставят вопрос о сочетании логики многополярности и универсализма, возможности принятия универсальных ценностей,

1 Лапкин, В.В. Социально-политическая динамика эпохи глобального кризиса: цивилизационный бэкграунд // Полис. Политические исследования. 2022. № 6. С. 135–150. <https://doi.org/10.17976/jpps/2022.06.10>.

2 Мчедлова, М.М. Цивилизационные нарративы в политическом дискурсе: ценности и смыслы // Идентичность: личность, общество, политика. Новые контуры исследовательского поля. М.: Весь мир, 2023. С. 165–174.

3 Наумкин, В.В. Модель не-Запада: существует ли государство-цивилизация? // Полис. Политические исследования. 2020. № 4. С. 78–93. <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.04.06>.

4 Лапкин 2022, 146.

5 Лапкин, В.В. Экстратерриториальные сообщества: горизонты идентичности // Идентичность: личность, общество, политика. Новые контуры исследовательского поля. М.: Весь мир, 2023. С. 86–93.

6 Наумкин 2020, 85.

объединении коллективных усилий человечества и создания международных режимов регулирования для решения глобальных проблем, необходимости сохранения такой универсальной международной межправительственной организации, как ООН.

С.М.: После завершения холодной войны дискуссии, если не об отмирании, то о серьезном кризисе наций-государств стали общим местом и в академической среде, и в политических кругах. Но не поспешно ли было прощание с национальной идентичностью? Не наблюдаем ли мы сегодня ее ренессанс?

И.П.: Дискуссии о кризисе национального государства идут достаточно давно, нельзя отрицать перемены в модели государства-нации на Западе и в незападных странах под влиянием мегатренда трансформации миропорядка, процессов глобализации и регионализации. В региональных и субрегиональных интеграционных проектах (и не только в Европейском союзе) присутствует сложная комбинация национального и межправительственного регулирования, в которой присутствует в том или ином объеме наднациональный компонент, то есть элементы надгосударственного управления. Есть они и в деятельности такой универсальной международной организации, как Организация Объединенных Наций: речь идет, к примеру, об обязательном для всех стран-участниц характере санкций и других принудительных мер, принимаемых Советом Безопасности ООН для поддержания или восстановления международного мира и безопасности. Национальное государство испытывает и большое давление снизу, со стороны субнациональных и местных территориальных сообществ, регионов и крупных городов, которые, играя все большую роль в мировой экономике, настойчиво требуют и добиваются для себя не только административных, но и законодательных полномочий от центральной власти. Меняет ли это и сам институт, и наши представления о сегодняшнем национально-территориальном государстве? Безусловно, и мы это наблюдаем.

У государства появилось множество конкурентов в политике идентичности, связанной с территорией и пространством, и национальная (национально-гражданская) идентичность оказывается одной из множества, с которыми себя связывает индивид в современном мире. Это может быть идентичность территориальная (место, где человек родился, вырос, учился, работал, обрел семью), региональная (самоидентификация с определенным регионом как территориальным и политическим сообществом), макрорегиональная (европейская, латиноамериканская, североамериканская, африканская и т.д.), космополитическая (Я как гражданин мира). Иерархия этих идентичностей может меняться во времени, на нее могут оказывать воздействие множество факторов самого различного свойства, могут наблюдаться конфликты и кризисы идентичности и конкретных индивидов, и отдельных социальных групп¹. Но задачей национальных политических элит является формирование особой связи индивида (гражданина) с государством, и для этого ключевыми инструментами политики

1 Прохоренко, И.Л. Европейская интеграция и проблема сепаратизма в государствах-членах Европейского союза. М.: ИМЭМО РАН, 2018.

идентичности выступают образовательная политика, политика памяти, символическая и музейная политика¹.

С.М.: С наступлением эпохи модерна в социальных науках устоялось мнение о том, что вместе с общественным прогрессом, укреплением рационалистического мировоззрения роль религии будет неуклонно падать. И эта идея находила многократные подтверждения на практике. Секуляризм торжественно шествовал по миру, завоевывая не только «демократический Запад» и «коммунистический блок», но и такие форпосты исламского мира, как Турция и Персия. Светские тенденции укреплялись в Индии, Китае, Японии, Латинской Америке. Казалось, религия стала лишь объектом политики, но не ее субъектом. Но сегодня мы видим обратные примеры. И дело не только в укреплении радикального исламизма на Ближнем и Среднем Востоке. Растущая популярность *хиндута* в Индии, демонстративные сожжения Корана в ряде стран ЕС. Примеров и проявлений «возвращения» религии в активную политику слишком много, чтобы их игнорировать. Как бы Вы оценили этот процесс и его перспективы? Религиозная идентичность снова обретает значительный вес?

И.П.: Мне кажется, что налицо процессы секуляризации в современном мире и создание так называемых аконфессиональных государств в Западной Европе. Например, в Испании церковь отделена от государства и лишена бюджетных субсидий, ее деятельность фактически деполитизирована, священнослужители

У государства появилось множество конкурентов в политике идентичности, связанной с территорией и пространством, и национальная (национально-гражданская) идентичность оказывается одной из множества, с которыми себя связывает индивид в современном мире.

не имеют активного избирательного права, а национальное правительство поставило под жесткий контроль пожертвования верующих католической церкви через процедуру отчислений налоговых поступлений физических лиц в бюджет государства. Мы наблюдаем кардинальное снижение влияния религиозных институтов на сознание и поведение испанцев, особенно молодежи, и общество проявляет высокую степень терпимости к добрачным связям, разводам, абортам, процедурам экстракорпорального оплодотворения, однополым бракам. Но в той же Испании католическая церковь играет важную

роль в интеграции мигрантов, в том числе не католиков, в рамках сложившейся в целом в Южной Европе миграционной модели *a posteriori*, а религиозная идентичность сохраняется в виде культурных норм².

В то же время особенностью нынешнего миропорядка является все более значимое присутствие исламского мира, а масштабные миграционные потоки (в первую очередь инокультурной миграции) и сложности интеграции мигрантов в принимающее общество ставят под сомнение принципы светского государ-

1 Семененко, И.С. Новые ракурсы политики идентичности: трудная память в музеях истории XX века // Мировая экономика и международные отношения. 2020. Т. 64. № 5. С. 16–32.

2 de la Cueva, Julio, Contreras, Ana, and Miguel Hernando de Larramendi, eds. *Religious Landscapes in Contemporary Spain: The Impact of Secularization on Religious Pluralism*. Eastbourne: Sussex Academic Press, 2022.

ства, стимулируют новые конфликты и размежевания. В малых городах Испании время от времени возникают конфликты «старых» граждан и инокультурных мигрантов, нередко по поводу того, нужно ли проводить традиционные рождественские празднества на муниципальном уровне и в школах, где учатся дети различных конфессий и вероисповеданий. Еще до учреждения праворадикальной партии Vox в декабре 2013 г. представители маргинальных правопопулистских праворадикальных партий, которые не имели шансов преодолеть заградительный барьер и получить места в автономных и национальном парламентах, на местных выборах проходили в городские советы и даже становились алькальдами таких городков. Другой вопрос: что защищали сторонники таких партий – культурную или религиозную идентичность испанцев, политизируя вопрос о регулировании межэтнических и межрасовых отношений в стране. Подобные конфликты происходят и в других государствах-членах Европейского союза, недаром праворадикальные европейские политические партии нередко называют «партиями идентичности», защитниками национальной идентичности перед лицом инокультурной миграции, усиления наднациональности в экономическом и политическом управлении в ЕС и укрепления европейской макрополитической идентичности.

Цитирование

Прохоренко, И.Л. Идентичность как ключ к пониманию мировой политики // Международная аналитика. 2024. Том 15 (1). С. 11–19.

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2024-15-1-11-19>

For citation

Prokhorenko, Irina L. "Identity as Key to Understanding World Politics."

Journal of International Analytics 15, no. 1 (2024): 11–19.

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2024-15-1-11-19>